

А

у, совсем пропал ты, брат. а на дворе уж месяц март, в Москве весна, народ стремится к различным шоу приобщиться, на юбилей-фестивали, ей-богу, прямо валом валит, вот например, тому сто лет на свет родился Бертольт Брехт.

И по этому поводу 12-13 марта в Институте искусствознания состоится научная конференция. И мне даже предложено выступить. Но самый этот жанр научного бдения-радения кажется мне каким-то искусственным и старомодным, что ли. Ощущаешь себя муравьем, залезающим на гору.

Фигуры национальных пантеонов обладают одним поразительным свойством: они не поддаются однозначной и сколько-нибудь стабильной интерпретации. Проходят века, сменяются поколения, и каждое улавливает в их заслуге, в их творении нечто, незаметное глазу предыдущего поколения и теряющее привлекательность в глазах будущего. Так они и вращаются веками на своих незримых пьедесталах, излучая кванты незримой, но животворящей энергии, которая согревает и питает нации в самые кровавые или самые провальные моменты их истории. И каждый раз самозабвенно неблагодарные потомки, что называется, учат стариков жить, объясняя им, мертвым и вечным, в чем они ошиблись, чего не учли, где согрешили, перед кем провинились.

Романтизм предъявил Гете множество счетов, обвинил его во множестве грехов, устами Карла Маркса упрекнул в сервильизме и олимпийском равнодушии и с презрительным видом отвернулся от ис-

поведовавшихся им ценностей: классической формы и универсального содержания. Немецкая сцена, отбросившая гетеанский культ античной традиции, провозгласила: Goethe est vorbei! И что? И ничего. Не стало немецкой сцены. Не стало того огромного влияния на всю европейскую культуру, которое излучал маленький Веймар во времена великого старца. И только спустя век, в страшные времена фашизма, коммунизма и Второй мировой войны. Снова как спасительный свет в конце мрачного тоннеля дали о себе знать забытые ценности универсализма, некогда провозглашенные Гете. В прозе этот чуть было не угасший факел подхватил Томас Манн. В драматургии — Бертольт Брехт.

Трудно представить себе двух людей или двух художников более несхожих, чем Гете и Брехт. Один — в широкополой шляпе или парадном мундире с орденом на груди, с пером под сенью родного дуба; другой — коротко стриженный, в кепке, в очках, с гитарой или за пишущей машинкой в чужом доме, в чужом городе, в чужой стране. Один жил в исполненные надежд времена классицизма и Просвещения, другой — в печальную эпоху экзистенциализма, один всю жизнь провел на родине, другой эмигрировал, скитался по всему свету, попал за океан, возвратился и стал одновременно гражданином трех немецких государств; один пользовался покровительством и влиянием на власть имущих, другой принадлежал к пролетариату в прямом и переносном смысле; один основал свой театр еще в юности, другой — незадолго до смерти.

И театры их были совсем разные: там три единства, один день из жизни мифического героя, короля или королевы (Ифигения, Клавиги, Эсфирь, Эгмонд, Эпиме-

Письмо ученому соседу (29)

тей, Прометей), здесь — зигзаги эпического сюжета, биография реального человека (Ваал, Добрый человек, Артур Уи, Швейк, Святая Иоана, господин Пунтилла и его слуга Матти); там прозрачная конструкция мифа, здесь эпатажирующий прием очуждения, там — три-пять действующих лиц, все главные, здесь — множество персонажей, в том числе и второстепенных, там — высокая поэзия, здесь — суровая проза, там — поиск ответа на загадку бытия, здесь — поиск решения проблем социума; тот театр княжеский и элитарный, этот — сначала диссидентский, и только потом — государственный и парадный. Все это так — и не так. Достаточно сопоставить проблематику Фауста и “Мамаши Кураж”, как станет понятно, что это герои одной традиции и одного масштаба.

А когда ушел Брехт, снова возник диссидентский поэтический театр Хайнера

Мюллера и неоклассическая поэзия Петера Хакса. Двойность, двойственность, раздвоение человеческой природы и природы вещей, диалектика, извини за выражение. И никуда от нее не денешься. Нет, я, конечно, понимаю, что все приведенные выше соображения и сопоставления — лишь клише, расхожие стандарты обыденного сознания, за пределы коего выбераются лишь избранные умы. А наши потуги объять необъятное, постичь бесконечное, определить неуловимое, схватить и удержать мысль, мгновенно увядающую в безвоздушном пространстве формулировки, обречены на... На что? Да на повторение. И повторение этих попыток и есть жизнь духа, и есть слияние с прекрасным, и есть человеческое предназначение.

Немецкий театр, как водится, совершил виток: в этой фигуре присутствует некая мистическая пространственно-временная, и, если угодно, весовая или масштабная симметрия.

Гете, Шиллер — Брехт — Миллер. Хакс. Красиво, правда?

Элла ВЕНГЕРОВА

P.S. У Брехта такое великолепное попомство, а наша сцена все еще застряла на Брехте и ни с места. Жаль.

Экран и сцена